
CAUCASICA. КУЛЬТУРЫ ЮГА РОССИИ

ДМИТРИЕВ Владимир Александрович
доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории
отдела Кавказа и Средней Азии
Российского этнографического музея
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Vladimir A. DMITRIEV
Dr. Sci. (Ethnography, Ethnology, Anthropology), Top-Grade Researcher,
Department of the Caucasus and Central Asia
Russian Museum of Ethnography,
Saint Petersburg, Russian Federation
dmitriev_home@mail.ru

УДК [719:625(51)]+39(479)
ГРНТИ 13.91.00
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.012

Этнография Кавказа и культурное наследие Великого Шелкового пути

Ethnography of the Caucasus and the Cultural Heritage of the Great Silk Road

В статье исследуется связь объектной зоны этнографической науки, народной традиционной культуры и историко-культурного наследия как формы современной актуализации культуры прошлого. В качестве модели этнографического изучения культурного наследия рассматриваются последствия для региональной культуры народов Северного Кавказа деятельности местной трассы Великого шелкового пути – самой крупной евразийской трассы эпохи Древности и Средневековья. Основой подхода является представление региональных участков трасс великих путей Евразии как культур-геоценозов, сложение культурного наследия в которых имеет как местные корни, так и последствия их включения в большой культур-геоценоз Великого шелкового пути. В пределах региональной культуры народов Северного Кавказа такими культур-геоценозами признаются части ареалов шелководства и шелкоткачества на Кавказе и крупные ареалы высокогорья (область башенных памятников Большого Кавказа) и предгорий Северного Кавказа (районы, входившие в социально-политическое пространство Великой Черкесии).

Ключевые слова: этнография, традиционная культура, культурное наследие, Северный Кавказ, Великий шелковый путь, геоценоз.

Предметом этнографической науки являются различающиеся культурные формы, которые существуют благодаря традиции. В основном этнография изучает памятники культуры, относящиеся к последним двум столетиям, что соответствует возможностям методов науки. Культуры более раннего времени изучаются с опорой на исторические свидетельства прошлого и археологические источники. Ими занимаются историческая этнография и методология исследования старописьменных культур, а также имеет свое применение этнологическая реконструкция, выводящая прошлую форму традиции из наблюдаемой исследователями формы. В целом движение от настоящего и недавнего прошлого к давнему прошлому определяется ретроспективным подходом.

Ретроспективный подход дает возможность объяснения некоторой части явлений прошлого, которые присутствуют или получили отражение в памятниках культуры, доступных нашим современникам и вызывающих у них интерес. В то же время выявляемая актуальность памятников истории, к каким бы категориям культуры они ни принадлежали, требует их трактовки более как наследия, то есть части современности с исторической оценкой их качества и происхождения.

Культура настоящего времени аккумулирует в соответствии с традицией результаты процессов и явлений, участвовавших в ее генезисе, включая как факторы собственно традиции, так и внешние влияния, и превращает обстоятельства прошлого в современные культурные формы. В этнографическом познании часть явлений прошлого, вошедшего в современную культуру, определяется как пережитки, то есть имманентные культуре остаточные элементы, актуальность которых утрачена или находится под сомнением. В состав пережитков входят реликты, дериваты и реституты, [32, с. 92–100], различие которых показывает жизнестойкость компонентов традиции, отмеченных давним генезисом. Еще одним доказательством того, что прошлое продолжает играть конструктивную роль в современности, является признание роли народной (этнической) памяти, формирующей современное групповое само-

сознание [44, с. 140–167], и присутствие явлений фольклоризма, сплошь маркирующих современную народную культуру [42]. Включение в этническую сферу культуры модерна определяется тем, что культурный традиционализм не препятствует развитию модернизационных структур, но является одним из условий модернизации. [30, с. 19]. Пережитки и фольклоризм, наряду с этнически окрашенными явлениями культуры модерна, являются факторами этнического и регионального своеобразия, вследствие чего имеют преимущественно внутреннюю ценностную оценку. Третья часть современной культуры шире собственно этнического поля и частично выводится за область внутренних оценок, так как может претендовать на принадлежность к общемировой культуре. Она представляет собой категорию наследия, которая имеет локальное выражение, но была порождена воздействием более крупных феноменов. Согласно Федеральному закону № 73-ФЗ от 25.06.2002 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», таковыми признаются объекты недвижимого имущества и иные объекты с исторически связанными с ними территориями и различными произведениями культуры (в самом широком смысле), возникшие в результате исторических событий и представляющие интерес для широкого комплекса наук, являющиеся историческими свидетельствами и подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры. Объекты культурного наследия категоризируются как памятники (постройки и сооружения), ансамбли (комплексы памятников) и достопримечательные места (разнообразные творения природы и человека, составляющие открытый список, включающий в себя объекты этнографии / народоведения) [41]. Данный подход, ориентированный на внимание к объектам, вписанным в локальные ландшафты, может быть расширен за счет привлечения объектов нематериального наследия, сплошь и рядом, оказывающихся этнографическими реалиями. Об этом четко сообщает концепция нематериального наследия: «Нематериальное культурное наследие Российской Федерации представляет собой обычаи, формы представ-

ления и выражения, навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Нематериальное культурное наследие проявляется в таких областях, как устные традиции, исполнительские искусства, обычаи, обряды, празднества, знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами...» [21].

Одной из попыток представить этнографические реалии в виде традиций народов России как наследия далеко отстоящей во времени эпохи, актуализирующегося в проектируемых туристических дестинациях, является проект, направленный на выявление наследия Великого шелкового пути (ВШП) в традиционной региональной культуре народов России. Использование категории наследия не только позволяет преодолеть временную лагуну между историческим периодом деятельности ВШП (II в. до н. э. – XIV–XVII вв. н. э.) и современностью, но и требует это сделать.

Термин «Великий шелковый путь» был предложен немецким географом Рихтгофеном в 1877 г. для обозначения сети транспортных маршрутов, соединявших в Древности и в Средние века Восточную Азию с бассейном Средиземного моря. Эта трасса являлась крупнейшей транспортной и торговой магистралью, проходившей через весь Евразийский континент и способствовавшей созданию в свое время мощного фонда межкультурного обмена [7, с. 224–228; 14; 24; 25; 26, с. 88–100; 33; 36], который интенсифицировал процессы локального культурогенеза. Сама трасса ВШП использовала возникшие ранее в каждом регионе собственные сети локальных и дальних маршрутов, что открывало эти регионы для внешних цивилизационных воздействий [4, с. 69–75; 5, с. 330–332]. Китайские средневековые источники свидетельствуют о «северной» трассе ВШП (к северу от Каспийского моря), «средней» (через Малую Азию) и «южной» (на Дамаск и Иерусалим). Ферганский и Хорезмийский путь закольцовывались на севере степной трассой, которую бы и следовало называть северной ветвью ВШП. В данном случае она для нас является основным гео-

графическим измерением, так как пролегла по современной российской территории. При этом ее маршрут совпадал с так называемым степным коридором Евразии, что позволяет говорить об участии кочевников в поддержании деятельности дальних торговых путей континента [22, с. 56–68; 23].

Особым историческим феноменом является то, что в российском современном пространстве существует поле объединения двух великих магистралей – северной Евразии Великого Шелкового пути и Великого Волжского пути (ВВП).

Формами включения наследия ВШП и ВВП в достояние фонда культуры наших современников являются направления научной и научно-практической деятельности, такие как:

- проведение научно-исследовательского изучения памятников природного и культурного наследия народов России и сопредельных стран в зоне функционирования ВШП ВВП;
- развитие деятельности природных и историко-культурных заповедников, музеефикация культурного наследия по трассе Великого шелкового и Великого Волжского путей Евразии;
- презентация местного (локального, регионального, краевого, республиканского, областного и т. д.) своеобразия, развитие внимания к повседневным формам национальной культуры, указывающим на жизненность исторического наследия;
- развитие туристических дестинаций, выстроенных с учетом использования и сохранения наследия исторического прошлого, [16, с. 294–313];
- представление региональных участков трасс великих путей Евразии как культур-геоценозов, в наследии которых обнаруживаются и местные особенности, и последствия включения в большой культур-геоценоз ВШП и ВВП. Историография ВШП и ВВП позволяет представить их как большие культурные трансландшафтные геоценозы [6, с. 330–332; 45, с. 49–64].

Важнейшими признаками такого большого геоценоза являются межэтническое взаимодействие славян, финно-угров, тюрок

северной Евразии, народов Сибири и межконфессиональное взаимодействие православия, северного ислама (с центром в Татарстане и Башкирии) и северного буддизма (ламаизм Монголии, Бурятии, Тувы, Калмыкии). Северная трасса Великого шелкового пути, во взаимодействии с магистралью Великого Волжского пути, составила в исторической ретроспективе пространство территориального формирования Российской государственности. В северной трассе ВШП выделяются локальные геоценозы: Южная Сибирь, Зауралье (до Прииртышья), Нижнее и Среднее Поволжье, Кавказ и Предкавказье. Для каждого из регионов можно выделить главную цивилизационную характеристику, представляющую его в системе евразийской целостности, что является наследием дальних связей, в том числе получивших толчок в результате действия ВШП. Такими характеристиками являются:

- для Южной Сибири – китайское влияние в культуре и образование периферийного очага ламаизма, для позднего времени – путь торговли чаем [1; 2; 3; 18].
- для Южного Зауралья – активность кочевников на краю степного коридора Евразии и образование транспортных путей, в поздние времена оформившихся как Московско-Сибирский тракт и далее – Транссибирская магистраль [20; 35; 37; 38];
- для Поволжья – образование узла ВШП и ВВП, становление влиятельного в экономическом и культурном отношении центра Булгар-Казань [17; 43, с. 39–58];
- для Кавказа – обеспечение связи между бассейнами Каспийского и Черного морей, создание на Северном Кавказе для этого пространств со специфическим культурным наполнением (местных геоценозов ВШП) [19, с. 203, 213, 230, 267, 281–282, 306–308, 355–359, 385–386].

Во всех регионах присутствуют внебытовая и бытовая формы этнокультуры. Во внебытовой форме главными являются такие категории, как памятники, ансамбли и достопримечательные места. К ним примыкают музейные экспозиции, культурно-развлекательные центры, так называемые частные и домашние музеи.

Бытовая форма этнокультурной реальности имеет две разновидности – инновационную и традиционную. Инновационная разновидность на настоящий момент преимущественно представлена ресторанами национальной кухни, а также различного рода мероприятиями-перформансами, рассчитанными на привлечение туристов и внешне сохраняющими форму этнического праздника или разновидности традиционного промысла.

Традиционная разновидность бытовой этнокультурной реальности целиком принадлежит к категории наследия, но не имеет, на наш взгляд, необходимой в данном плане актуализации, в том числе из-за недостаточной проработки ее историзма. Внимание к наследию ВШП позволяет это сделать.

Наследие ВШП, как представляется, состоит из следующих категорий культуры современности, существующих в локальных вариантах и в пределах всего пространства трассы:

- прямые памятники прошлого, возникшие во время функционирования ВШП на местных транспортных путях (архитектурные памятники Древности и Средневековья, материалы, современные ВШП и перешедшие в археологические памятники и источники);
- региональные шелководческие и шелкоткацкие практики, индуцированные распространением шелка;
- региональные феномены культуры (геоценозы ВШП), вызванные внешним влиянием (вследствие связи регионов Евразии в пространстве ВШП как звеньев его цепи).

В функционировании Северокавказской ветви ВШП в Средние века играл важную роль ввоз шелковых предметов в регион. В результате находками шелковых тканей маркируются контролируемые местным населением участки перевальных путей (Дагестан, Северо-Западный Кавказ и др.)

Представим на примере северокавказского региона характеристики этнографического наследия ВШП.

Одна из них – это включение в традиционные промыслы таких занятий, как выращивание шелковичного червя и изготовление изделий из шелковых нитей. Шелководство концентрировалось в лесистых предгорьях

Северо-Восточного и Восточного Кавказа, причем для Северного Прикаспия, Кумыкии и равнинной Чечни имело большое значение производство грены. Последний промысел был доведен до такого состояния, что возникла специфическая и характерная только для данного региона мера объемовеса – наперсток с греной шелкопряда. Центральный и Западный Кавказ были зонами, в которых не практиковалось шелководство, а в Абхазии, климатически удачной для разведения шелковичного червя, даже сложился религиозный запрет на этот промысел [29, с. 70]. Шелкоткачество, в том числе набойный промысел, локализовалось в конце XIX в. на Южном Кавказе, включая Южный Дагестан. На Северном Кавказе было известно только плетение женских шалей из шелковых нитей, как в Кабарде и Осетии.

Следует также отметить присутствие в регионе ареалов промыслов обработки меди (Лагич и Шемаха) и ковроткачества, которые совпадают с пространством каспийской ветви ВШП на Кавказе. Из Лагича изделия шли по Каспийской трассе, из Шемахи – по Куринской долине, через которую проходила Южно-Кавказская трасса ВШП. Сходным образом цепочка ареалов ковродельческих центров Кавказа образовывала линии: азербайджано-дагестанскую по Каспийскому пути, шемахинско-казахскую в южно-кавказском направлении и армяно-анатолийскую в продолжение южной трассы ВШП, проходившей от Китая через Центральную Азию и Иран.

Важнейшей точкой на Каспийском пути был Дербент, где сходились несколько региональных торгово-транспортных путей Кавказа [8, с. 18–24]. Через Дербент шло снабжение северокавказского региона товарами южного происхождения, вследствие чего в нем находились перевалочные склады армянских и грузинских купцов, и сюда стекались продукты горской экономики. [39, с. 20–23]. Производным от действия трасс торговых путей, проходивших через побережье Каспийского моря, выступает концентрация пунктов меновой торговли с горцами в полосе рядом с прибрежной линией между Астраханью и Дербентом, особенно в нижнем Потеречье.

Известно, что с раннего Средневековья существовала дорога, входившая в региональ-

ные трассы ВШП и уходившая в обход Каспийской трассы ВШП в центральный Дагестан и далее в Восточную Грузию, доходя до Северокавказской дороги через территорию Чечни. Качество дорог по дагестанским горам, например, имело высокую оценку, что отразилось в русских источниках высказыванием «дорога добре добра» [34].

С ареалом, существовавшим вокруг этой внутридагестанской дороги и общим воздействием кавказских трасс ВШП можно связать развитие сети аулов Дагестана, сложившихся в профилированные художественно-ремесленные центры. Данная сеть в пространстве Восточного Кавказа продолжила ареал городов Азербайджана, но уже в форме периферии городской культуры Южного Кавказа и Ирана. Косвенным доказательством причастности данной дороги к внедрению в горный Дагестан художественной культуры шелка является феномен так называемых «кайтагских вышивок» [46].

Определяющими в трактовке дагестанских аулов – художественно-ремесленных центров как явления, генезис которого связан с широким контекстом внешних связей, реализовавшихся через торгово-транспортную магистраль Каспийского пути, являются характеристики Дагестана как контактной историко-этнографической области. Дагестан является признанным перекрестком цивилизаций [27, с. 18; 11, с. 68–72], выделившимся в особенности тем, что вся его ремесленная продукция признается художественным явлением с широчайшей областью сбыта. В оценке дагестанских ремесел как явления собственного генезиса, тем не менее, имеет большое значение признание наличия исторических художественно-технологических связей дагестанских художественных промыслов с очагами декоративно-прикладного искусства Ирана и Передней Азии, особо отразившихся в ремесленном творчестве кубачинских мастеров [9, с. 417–433; 12, с. 29–35].

При анализе прохождения ВШП в регионе Северного Кавказа обычно рассматривается Северокавказская, или так называемая Османова, дорога – трасса, проходившая от Тамани на западе до Дагестана на востоке. Тамань вместе с Крымским полуостровом со-

ставляли узел, где кавказские дороги и линии трасс степной части Евразии переходили в морской путь Черного и Средиземного морей. В Дагестане Северокавказский путь вливался в Каспийский, тем самым доходя до Дербента. Признанным является также то, что от этой дороги в южном направлении постоянно использовались пути, направленные к перевалам Большого Кавказа. Сама же Северокавказская дорога проходила по линии бассейнов Кубани и Терека – фактической границе горского и степного миров. Учитывая, что для горцев линии обеих рек были символической границей их мира, следует полагать, что действие Северокавказской трассы было более в ведении кочевников Предкавказья, а ответвления входили в пространство горского мира. Однако мы полагаем, что и между линией данных рек и Кавказским хребтом были широтные пространства большой протяженности, связанные не столько с местными дорогами, сколько с их включением в зоны крупномасштабного воздействия. Подход позволяет выдвинуть гипотезу о связи с влиянием ВШП генезиса двух макрокультурных ареалов Северного Кавказа: ареала памятников материальной культуры в виде башенной архитектуры и ареала социально-властного действия, получившего название Великой Черкесии.

В выделении первого ареала на Большом Кавказе отмечено распространение специфических архитектурных конструкций, получивших по их внешнему виду название башен. Обе их разновидности, боевые и жилые башни, имеют жилищно-фортификационное назначение и датируются периодом от позднеаланского времени до начала эпохи вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи. Большинство исследователей рассматривают их как дома-крепости, строительство которых отвечало условиям межобщинных конфликтов и, следовательно, считают материализованным признаком горского феодализма. В несколько ином отношении башенные конструкции признаются архитектурными сооружениями, реализовавшими представления горского менталитета об устремленной в небо вертикали, входящей в тот же семантический ряд, что и домашние святыни – опорной столб и очажная цепь, и

формировавшей конструкции, презентующие axis mundi в триаде низ – середина – верх, которую образуют подземный мир чудовищ и пленников-чужеземцев – земной мир людей – верхний мир богов, или временная последовательность прошлое – настоящее – будущее. [40, с. 40–54].

Мы рассматриваем башни на локальной трассе ВШП не только как укрепления, но и как реальные и символические убежища, позволяющие путешественникам осуществлять переходы между далеко заметными ориентирами. Так создавались условия и для движения караванов, и для переходов одиночек, доставляющих товары и по заказу, и для мелочной торговли. Продвижения торговцев были обеспечены обычаями гостеприимства и куначества. За покровительство торговцы рассчитывались частью товара [10, с. 23].

Мы предполагаем, что историю башенной культуры Большого Кавказа можно разделить на два периода: начальный (до второй половины XIV – начала XV в.), до начала похолодания, сдвинувшего вниз линию снегов и ледников и отмеченного линией башен как признака высокогорной трассы от Дагестана до Кубани; и финальный, когда башни строились сугубо как часть процесса культурогенеза горцев Большого Кавказа, изолированного по причинам природного и исторического характера в территориях позднесредневекового этногенеза.

Ареал башенной архитектуры занимает высокогорье в северной части Большого Кавказа выше Скалистого хребта. Это делало его защищенным от беспорядков в зонах, лежащих ниже. В западной части ареал заканчивался еще до долины верхней Кубани, где традиционно проходило ответвление трассы ВШП, уходившей к черноморскому побережью Абхазии и Западной Грузии. На востоке ареал башен постепенно размывался в горном Западном Дагестане. Восточнее внутрیداгестанской трассы, упоминавшейся выше, башенные памятники единичны и существенно меняют облик. Грузинская часть ареала ограничена Балкаро-Сванетским и Чечено-Тушетским участками Большого Кавказа. Не вызывает сомнения большой потенциал башенной архитектуры и сопутствующего ей комплекса в

представлении наследия горской цивилизации Большого Кавказа.

Другой формой наследия выступает историко-культурная ситуация в эпоху позднего Средневековья, в период после завершения функционирования ВШП в предгорьях Северного Кавказа, где потребность в шелке, в значительной мере монополизировавшаяся слоем феодальной знати, демонстрировавшей также и экономику расточительства и высокомерия, должна была удовлетворяться в условиях отсутствия постоянной поставки продукта. Товар поступал на рынки торговых узлов приморской торговли, являвшихся окраинными для региона. Потребление шелка имело сугубо элитарный характер, но в условиях престижной экономики позднесредневекового Северного Кавказа тяга к дорогим импортам была доминантой внешней торговли, деформировавшей область внутреннего обмена товарами. В конце XVIII в. для Черкесии в год поступало семь-восемь тысяч кусков шелка с черноморских факторий [31, с. 198], основными потребителями были дворяне и князь, а товар завозился торговцами-армянами, то есть на непостоянной основе.

Для зоны позднесредневекового предгорного Кавказа можно говорить о нескольких разновидностях экономики, малоэффективных для внешнеторговых операций экономики крестьянского общинного хозяйства и экономики вотчинного феодального хозяйства, и эффективной экономике фео-

дального набега, дававшего изъятие части необходимого продукта из хозяйств нижних ступеней общественной лестницы, но особо захвата рабов. Последний товар вывозился как можно дальше от места его захвата и был идеальным для реализации на внешних рынках.

Набег являлся частью общественной и экономической жизни горцев, что во многом связано с их военизированным бытом и семантизацией через вооруженное насилие отношений выше- и нижележащих общин и что, очевидно, следует признать компонентом горской докапиталистической цивилизации. Своего высшего, этикетизированного развития он получил в субкультуре дворянства, особо черкесского и кабардинского, в эпоху позднего Средневековья. Стимуляция данного процесса, возможно, была обусловлена тем, что после середины XVI в., когда окончательно завершилась история Великого шелкового пути на Северном Кавказе и все торговые операции с импортами, в том числе шелковыми тканями, сосредоточились в прибрежных зонах морей, омывающих Кавказский перешеек, выход к центрам торговли стал обеспечиваться экономикой набега. В этом, очевидно, состоялась одна из составляющих экономического базиса образования феномена Великой Черкесии, политического союза феодальных социумов, контролировавших пространство Северного Кавказа от Приазовья до Дагестана в позднем Средневековье [15, с. 49–53].

Vladimir A. DMITRIEV

Ethnography of the Caucasus and the Cultural Heritage of the Great Silk Road

Abstract. The article discusses the relationship between folk traditional culture and historical and cultural heritage as a form of contemporary actualization of the culture of the past. The results of the activities of the local route of the Great Silk Road for the regional culture of the peoples of the North Caucasus are regarded as a model for an ethnographic study of cultural heritage. The basis of the approach is the presentation of regional sections of the routes of the great roads of Eurasia as culture geocenoses. The formation of cultural heritage in such culture geocenoses has both local roots and consequences of their inclusion in the large culture geocenosis of the Great Silk Road. Within the regional culture of the peoples of the North Caucasus such geocenoses are parts of the silk-growing and silk-weaving areas of the Caucasus, large areas of high mountains (the area of handicraft sites of mountainous Dagestan and the area of tower monuments of the Greater Caucasus) and the foothills of the North Caucasus (areas included in the sociopolitical space of Great Circassia). Sericulture in the northern part of the Caucasus

was the occupation of the population of the forested foothills of the Greater Caucasus, but at the end of the 19th century the population of West Adyg and Abkhaz lands were excluded from this occupation. From the Caspian Sea to Kabarda, inclusive, the craft of weaving women's shawls with silk threads was spread. Printed fabrics and patterned textile materials came to the North Caucasus from the South Caucasian urban centers mainly located near the Caspian Sea. At the same time, part of the population of the region of the North-Eastern Caucasus steadily specialized in the production of silkworm eggs. The internal roads of Dagestan associated with the route of the Great Silk Road have played a historic role in the promotion of stimulating cultural impulses into the economic life of the highlanders. This may explain the concentration of settlements in mountainous Dagestan, whose population specialized in various types of artistic craft. Indirect evidence of the involvement of internal Dagestan in the channels of distribution and accumulation of samples of imported silk in the Caucasus is the so-called phenomenon "Kaytag embroidery". The formation of the area of North Caucasian towers is associated with climatic and political changes in the region, characteristic of the final period of its inclusion in the section of the Great Silk Road. The article makes an assumption about the dependence of the genesis of the socioeconomic specifics of Great Circassia on the need to preserve the previous trade relations in the era that followed the cessation of the functioning of the Great Silk Road in the Caucasus.

Keywords: ethnography, traditional culture, cultural heritage, North Caucasus, Great Silk Road, geocenosis.

Использованная литература:

1. Абаев Н. В., Хомушку О. М. Духовно-культурные традиции в геополитическом и цивилизационном пространстве Центральной Азии и Саяно-Алтая. Кызыл: Изд-во Тывинск. гос. ун-та, 2010.
2. Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. (30 сентября 2004, г. Абакан). Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2005.
3. Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий: науч.-практ. конф. (26-27 сентября 2006г., Абакан) Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2006.
4. Авдаков И. Ю. Роль наземных транспортных путей в развитии европейской торговли // Природа и культура. Вып. 10. Социоестественная история. М., 2001. С. 69-75.
5. Байпаков К. М. «Великий Шелковый путь»: Культурные контакты в прошлом и настоящем // Вестник АН Казахской ССР. 1989. № 3. С. 18-27.
6. Большая советская энциклопедия. 3 изд. Т. 3. М.: 2008. С. 330-332.
7. Бухарин М. Д. Великий Шелковый путь в новейшей интерпретации // Вестник древней истории. 2004. № 2. С. 224-228.
8. Гаджиев М. С. Средневековый город Дагестана. // Дагестан на перекрестке культур и цивилизаций: Гуманитарный контекст: К 85-летию академика Г. Г. Гамзатова. М.: Наука, 2011. С. 18-24.
9. Гамзатов Г.Г. Дагестан и Иран: историко-культурный аспект взаимоотношений // Дагестан на перекрестке культур и цивилизаций: Гуманитарный контекст: к 85-летию академика Г.Г. Гамзатова. М.: Наука, 2011. С. 417-433.
10. Гамкрели В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси: Мецниереба, 1968.

References:

1. Abaev, N.V. & Khomushku, O.M. (2010) *Dukhovno-kul'turnye traditsii v geopoliticheskom i tsivilizatsionnom prostranstve Tsentral'noy Azii i Sayano-Altaya* [Spiritual and cultural traditions in the geopolitical and civilizational space of Central Asia and the Altai-Sayan]. Kyzyl: Tyva State University.
2. Anzhiganova, L.V. et al. (eds) (2005) *Aktual'nye problemy istorii Sayano-Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Topical issues of the history of the Altai-Sayan and adjacent territories]. Proceedings of the International Conference. Abakan. 30 September 2004. Abakan: Khakas State University.
3. Sergeev, D.B. (ed.) (2006) *Aktual'nye problemy istorii Sayano-Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Topical issues of the history of the Altai-Sayan and adjacent territories]. Proceedings of the International Conference. Abakan. 26-27 September 2006. Abakan: Khakas State University.
4. Avdakov, I.Yu. (2001) *Rol' nazemnykh transportnykh putey v razvitii evropeyskoy torgovli* [The role of land transport routes in the development of European trade]. *Priroda i kul'tura*. 10. pp. 69-75.
5. Baypakov, K.M. (1989) "Velikiy Shelkovyy put'": *Kul'turnye kontakty v proshlom i nastoyashchem* [The Great Silk Road: Cultural contacts in the past and present]. *Vestnik AN Kazakhskoy SSR*. 3. pp. 18-27.
6. Prokhorov, A.M. (ed.) (2008) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. Vol. 3. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 330-332.
7. Bukharin, M.D. (2004) *Velikiy Shelkovyy put' v noveyshey interpretatsii* [The Great Silk Road in the latest interpretation]. *Vestnik drevney istorii - Journal of Ancient History*. 2. pp. 224-228.
8. Gadzhiev, M.S. (2011) *Srednevekovyy gorod Dagestana* [The medieval city of Dagestan]. In: Gamzatov, G. & Mukhamedova, F. (eds) *Dagestan na perekrestke kul'tur i tsivilizatsiy: Gumanitarnyy kontekst: K 85-letiyu akademika*

11. Гасанов М. Р. Дагестан – зона встречи цивилизаций (древность и раннее Средневековье) // Научная мысль Кавказа. 2017. №1. С. 68-72.
12. Гачанов М. Г. Иранский мир и Дагестан: история связей в древности и средневековье // Научная мысль Кавказа. 2005. №3. С. 29-35.
13. Горбунова Н. Г. Роль традиционных путей передвижения скотоводческих племен и сезонных перекочевок в сложении торговых путей древности // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент: 1990. С. 33-35.
14. Гурбанов Дж. Г., Каримов Б. Б., Салимбаев Е. К. Международные транспортные коридоры и Великий Шелковый путь. М.: МПК, 2009.
15. Дмитриев В. А. Влияние торговли на специфику культуры горцев Северного Кавказа // Музей, традиции, этничность. 2017. № 1 (9). С. 48-60.
16. Дмитриев В. А. Возможные приемы обращения в наследие Великого шелкового пути (из практики Российского этнографического музея) // Евразийская интеграция: истоки, проблемы, перспективы: коллективная монография. Т. 1. СПб.: Ун-т при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС, 2017. С. 294-313.
17. Дубов И. В. Великий Волжский путь. — Л.: Издательство Ленинградского университета. 1989.
18. Жуковская Н. Л. Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. М.: Наука, 2008.
19. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука. 1988.
20. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII—XIX в. Новосибирск: Новосибирск. гос. пед. ун-та, 2004.
21. Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009 - 2015 годы (утв. Приказом Минкультуры РФ от 17.12.2008 N 267) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98439/ (дата обращения 21.10.18).
22. Король Г. Г. «Степной орнаментализм» раннесредневекового декоративного искусства и тюркский эпос: закономерности формирования и развития // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М.: Наука, 2006. Кн. 1. С. 211.
23. Крадин Н. Н., Коротаяев А. В., Бондаренко Д. М. Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000.
24. Кузьмина Е. Е. Предыстория Великого шелкового пути: диалог культур Европа – Азия. М.: КомКнига, 2011.
25. Культурно-историческое единство Евразии и Великий шелковый путь», семинар (1993; Москва). Сборник тезисов семинара «Культурно-историческое единство Евразии и Великий шелковый путь». М.: Шелковый путь, 1993.
26. Лубо-Лесниченко Е. И. Великий Шелковый путь // Вопросы истории. 1985. № 9. С. 88-100.
27. Магомедов Р. М. Вековые ценности Дагестана. Махачкала: Юпитер, 2005.
28. Марзей А. С. Черкесское наездничество – «Ze-
G.G. Gamzatova [Dagestan at the crossroads of cultures and civilizations: A humanitarian context: On the 85th anniversary of Academician G.G. Gamzatov]. Moscow: Nauka. pp. 18–24.
9. Gamzatov, G.G. (2011) Dagestan i Iran: istoriko-kul'turnyy aspekt vzaimootnosheniy [Dagestan and Iran: historical and cultural aspect of relations]. In: Gamzatov, G. & Mukhamedova, F. (eds) *Dagestan na perekrestke kul'tur i tsivilizatsiy: Gumanitarnyy kontekst: K 85-letiyu akademika G.G. Gamzatova* [Dagestan at the crossroads of cultures and civilizations: A humanitarian context: On the 85th anniversary of Academician G.G. Gamzatov]. Moscow: Nauka. pp. 417-433.
10. Gamkreli, V.N. (1968) *Torgovye svyazi Vostochnoy Gruzii s Severnym Kavkazom v XVIII v.* [Trade relations of Eastern Georgia with the North Caucasus in the 18th-Century Tbilisi]. Tbilisi: Metsniereba.
11. Gasanov, M.R. (2017) Dagestan – Area of Meeting of Civilizations (Antiquity and Early Middle Ages). *Nauchnaya mysl' Kavkaza – Scientific Thought of Caucasus*. 1. pp. 68–72. (In Russian). DOI: 10.18522/2072-0181-2017-89-1-68-72
12. Gachanov, M.G. (2005) The Iranian world and Dagestan: The history of relations in Antiquity and the Middle Ages. *Nauchnaya mysl' Kavkaza – Scientific Thought of Caucasus*. 3. pp. 29–35. (In Russian).
13. Gorbunova, N.G. (1990) [The role of traditional routes of cattle breeding tribes and seasonal migrations in the establishment of ancient trade routes]. *Formirovanie i razvitie trass Velikogo shelkovogo puti v Tsentral'noy Azii v drevnosti i srednevekov'e* [Formation and development of the Great Silk Road routes in Central Asia in the Antiquity and the Middle Ages]. Abstracts of the International Conference. Tashkent: Fan. pp. 33–35. (In Russian).
14. Gurbanov, Dzh.G., Karimov, B.B. & Salimbaev, E.K. (2009) *Mezhdunarodnye transportnye koridory i Velikiy Shelkovyy put'* [International transport corridors and the Great Silk Road]. Moscow: MPK.
15. Dmitriev, V.A. (2017) Vliyanie torgovli na spetsifiku kul'tury gortsev Severnogo Kavkaza [The influence of trade on the specifics of the culture of the highlanders of the North Caucasus]. *Muzey, traditsii, etnichnost'*. 1 (9). pp. 48–60.
16. Dmitriev, V.A. (2017) *Vozmozhnye priemy obrashcheniya v naslediyu Velikogo shelkovogo puti (iz praktiki Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya)* [Possible methods of addressing the heritage of the Great Silk Road (from the practice of the Russian Ethnographic Museum)]. In: Spirina, M.Yu. et al. (eds) *Evraziyskaya integratsiya: istoki, problemy, perspektivy* [Eurasian integration: sources, problems, prospects]. Vol. 1. St. Petersburg: University at the Inter-Parliamentary Assembly of the EurAsEC.
17. Dubov, I.V. (1989) *Velikiy Volzhskiy put'* [The Volga Trade Route]. Leningrad: Leningrad State University.
18. Zhukovskaya, N.L. (2008) *Religiya v istorii i kul'ture mongoloyazychnykh narodov Rossii* [Religion in the history and culture of the Mongol-speaking peoples of Russia]. Moscow: Nauka.
19. Piotrovskiy, B.B. (ed.) (1988) *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v.* [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century]. Moscow: Nauka.
20. Kationov, O.N. (2004) *Moskovsko-Sibirskiy trakt i ego zhiteli v XVII—XIX v.* [The Moscow-Siberian tract and

- к1уэ. (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века). Нальчик: Эль-Фа, 2004.
29. Миллер А.А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. // Материалы по этнографии России. 1910. Т. 1.
30. Паин Э.А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство, 2003. С. 19
31. Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. / Сост. В. К Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 179-202.
32. Першиц Д. И. Остаточные явления в культуре // Природа. 1982. № 10. С. 92-100.
33. Петров А. М. Великий шелковый путь: о самом простом, но мало известном. М.: Вост. лит., 1995.
34. Полиевктов М. А. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказ. Тифлис: Заря Востока, 1932.
35. Природные системы Южного Урала: Тр. музея-заповедника «Аркаим». Челябинск: Рифей, 1999.
36. Ртвеладзе Э. В. Великий шелковый путь: Энцикл. справочник: Древность и раннее средневековье. Ташкент: Узбекистон миллий энциклопедияси, 1999.
37. Сибирь под влиянием рельсового пути. СПб.: Ред. период. изд. Мин. фин., 1902.
38. Степи и лесостепи Зауралья: материалы к исследованиям: тр. музея-заповедника «Аркаим». Челябинск: Рифей, 2006.
39. Суздальцева И. А. Проблемы формирования армянской и грузинской общин Дагестана в XVI-XVII вв. // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. №3. С. 20-23.
40. Сулименко С. Д. Башни Северного Кавказа. Владикавказ: Проект пресс, 1997.
41. Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ-83. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации [Электронный ресурс] // // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения 21.10.18).
42. Фольклор и фольклоризм в меняющемся мире. Ред.-сост. Л. П. Солнцева. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2010.
43. Хамамото Мами. Связующая роль татарских купцов Волго-Уральского региона в Центральной Евразии: звено «Шелкового пути нового времени» (вторая половина XVIII-XIX в.) // Волго-Уральский регион в имперском пространстве: XVIII-XX вв. М.: Восточная литература, 2011. С. 39-58.
44. Шнирельман В.А. Социальная память и культурная антропология. // Предмет и проблемы этнологии и антропологии. Лекции для аспирантов. М.: Ин-т этнографии и антропологии Росс. Акад. Наук, 2016. С. 140-167.
45. Ямсков А. Н. История становления и развития отечественной этноэкологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 49-64.
46. Chenchiner R. Kaittag: Textile Art from Dagestan. London: Textile art publication, 1993.
- its inhabitants in the 17th–19th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
21. Konsul'tantPlyus. (2008) *Kontseptsii sokhraneniya i razvitiya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov Rossiyskoy Federatsii na 2009–2015 gody (utv. Prikazom Minkul'tury RF ot 17.12.2008 N 267)* [Concepts for the preservation and development of the intangible cultural heritage of the peoples of the Russian Federation for 2009–15 (approved by Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation No. 267 of December 17, 2008)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98439/. (Accessed: 21.10.2018).
22. Korol', G.G. (2006) "Stepnoy ornamentalizm" rannesrednevekovogo dekorativnogo iskusstva i tyurkskiy epos: zakonomernosti formirovaniya i razvitiya [The "steppe ornamentalism" of early medieval decorative art and the Turkic epos: Laws of formation and development]. In: Tishkov, V.A. (ed.) *Etnokul'turnoe vzaimodeystvie v Evrazii* [Ethnocultural interaction in Eurasia]. Book 1. Moscow: Nauka.
23. Kradin, N.N., Korotaev, A.V. & Bondarenko, D.M. (2000) *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative roads to civilization]. Moscow: Logos.
24. Kuz'mina, E.E. (2011) *Predystoriya Velikogo shelkovogo puti: dialog kul'tur Evropa – Aziya* [The background of the Great Silk Road: Dialogue of cultures Europe – Asia]. Moscow: KomKniga.
25. The Silk Road Center. (1993) *The cultural and historical unity of the Eurasia and the Great Silk Road, seminar (1993; Moscow)*. Abstracts. Moscow: Shelkovyy put'. (In Russian).
26. Lubo-Lesnichenko, E.I. (1985) *Velikiy Shelkovyy put'* [The Great Silk Road]. *Voprosy istorii*. 9. pp. 88–100.
27. Magomedov, R.M. (2005) *Vekovye tsennosti Dagestana* [Century-old values of Dagestan]. Makhachkala: Yupiter.
28. Marzey, A.S. (2004) *Cherkesskoe naezdnichestvo – Zeklue. (Iz istorii voennogo byta cherkesov v XVIII – pervoy polovine XIX veka)* [Circassian equestrianism Zeklue. (From the history of the military life of the Circassians in the 18th – first half of the 19th centuries)]. Nalchik: El'-Fa.
29. Miller, A.A. (1910) *Iz poezdki po Abkhazii v 1907 g.* [From a trip to Abkhazia in 1907]. *Materialy po etnografii Rossii*. 1. pp. 70.
30. Pain, E.A. (2003) *Mezhdru imperiey i natsiey: modernistskiy proekt i ego traditsionalistskaya al'ternativa v natsional'noy politike Rossii* [Between empire and nation. Modernist project and its traditionalist alternative to the national policy of Russia]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
31. Peyssonnel, C. (1974) *Traktat o torgovle na Chernom more* [A treatise on the commerce of the Black Sea]. Translated from French. In: Gardanov, V.K. (ed.) *Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII – XIX vv.* [Adygs, Balkars, Karachais in the news of European authors of the 13th–19th centuries]. Nalchik: El'brus.
32. Pershits, D.I. (1982) *Ostatochnye yavleniya v kul'ture* [Persistent phenomena in culture]. *Priroda*. 10. pp. 92–100.
33. Petrov, A.M. (1995) *Velikiy shelkovyy put': o samom prostom, no malo izvestnom* [The Great Silk Road: about the simplest but little known facts]. Moscow: Vost. lit.

47. Dani A. H. Significance of silk road to human civilization: Its cultural dimension // *Journal of Asian Civilizations*. 2002. Vol. 25. no. 1. P. 72-79.
34. Polievktov, M.A. (1932) *Ekonomicheskie i politicheskie razvedki Moskovskogo gosudarstva XVII v. na Kavkaz* [Economic and political reconnaissance of the 17th-century Moscow state to the Caucasus]. Tiflis: Zarya Vostoka.
35. Gayduchenko, L.L. (ed.) (1999) *Prirodnye sistemy Yuzhnogo Urala: Tr. muzeya-zapovednika "Arkaim"* [Natural systems of the Southern Urals: Proceedings of the Museum-Reserve Arkaim]. Chelyabinsk: Rifev.
36. Rtveladze, E.V. (1999) *Velikiy shelkovyy put': Entsikl. spravochnik: Drevnost' i rannee srednevekov'e* [The Great Silk Road: Encyclopedic reference book: Antiquity and the early Middle Ages]. Tashkent: Uzbekiston milliy entsiklopediyasi.
37. Anon. (1902) *Sibir' pod vliyaniem rel'sovogo puti* [Siberia under the influence of the rail way]. St. Petersburg: Red. period. izd. Min. fin.
38. Petrov, F.N. (2006) *Stepi i lesostepi Zaural'ya: materialy k issledovaniyam: tr. muzeya-zapovednika "Arkaim"* [Steppes and forest-steppes of the Trans-Urals: Research materials: Proceedings of the Museum-Reserve Arkaim]. Chelyabinsk: Rifev.
39. Suzdal'tseva, I.A. (2007) Problemy formirovaniya armyanskoy i gruzinskoy obshchin Dagestana v XVI-XVII vv. [Problems of the formation of the Armenian and Georgian communities of Dagestan in the 16th-17th centuries]. *Izvestiya Vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki*. 3. pp. 20-23.
40. Sulimenko, S.D. (1997) *Bashni Severnogo Kavkaza* [Towers of the North Caucasus]. Vladikavkaz: Proekt press.
41. Konsul'tantPlyus. (2002) *Federal'nyy zakon ot 25 iyunya 2002 goda № 73-F-83. "Ob ob"ektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii* [Federal Law No. 73-F-83 of June 25, 2002, "On Objects of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/. (Accessed: 21.10.2018).
42. Solntseva, L.P. (ed.) (2010) *Fol'kor i fol'klorizm v menyayushchemsya mire* [Folklore and folklorism in a changing world]. Moscow: State Institute for Art Studies.
43. Hamamoto, M. (2011) *Svyazuyushchaya rol' tatarskikh kuptsov Volgo-Ural'skogo regiona v Tsentral'noy Evrazii: zveno "Shelkovogo puti novogo vremeni"* (vtoraya polovina XVIII-XIX v.) [The connecting role of the Tatar merchants of the Volga-Ural region in Central Eurasia: A link in the Silk Road of the New Time (second half of the 18th-19th centuries)]. In: Norihiro, N., Usmanova, D. & Hamamoto, M. (eds) *Volgo-Ural'skiy region v imperskom prostranstve: XVIII-XX vv.* [The Volga-Ural region in the imperial space: The 18th-20th centuries]. Moscow: Vostochnaya literatura.
44. Shnirel'man, V.A. (2016) *Sotsial'naya pamyat' i kul'turnaya antropologiya* [Social memory and cultural anthropology]. In: Barinova, E.B. (ed.) *Predmet i problemy etnologii i antropologii. Lektsii dlya aspirantov* [The subject and problems of ethnology and anthropology. Lectures for graduate students]. Moscow: Institute of Ethnography and Anthropology RAS.
45. Yamskov, A.N. (2013) A History of Establishment and Development of Domestic Ethnic Ecology. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 49-64. (In Russian). DOI: 10.5281/zenodo.3228984

46. Chenchiner, R. (1993) *Kaittag: Textile Art from Dagestan*. London: Textile art publication.

47. Dani, A.H. (2002) Significance of silk road to human civilization: Its cultural dimension. *Journal of Asian Civilizations*. 25 (1). pp. 72–79.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Дмитриев, В. А. Этнография Кавказа и культурное наследие Великого Шелкового пути [Электронный ресурс] / В. А. Дмитриев // Наследие веков. – 2019. – № 3. – С. 112–123. DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.012

Full bibliographic reference to the article:

Dmitriev, V. A. (2019) Ethnography of the Caucasus and the Cultural Heritage of the Great Silk Road. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 112–123. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2019.19.3.012